

РОМАН ХРАПАЧЕВСКИЙ

**АРМИЯ
МОНГОЛОВ
ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

ЯУЗА

**МОСКВА
2022**

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2 ИЗДАНИЮ

Настоящая книга является 2-м, исправленным и значительно дополненным изданием. Ее первый вариант был написан более десяти лет назад — в середине 2010 г. работа над ним была начата, а закончена в начале 2011 г. И в том же году книга была выпущена издательством «Квадрига». В настоящем издании не только исправлены ошибки, допущенные некомпетентной редактурой в предыдущем издании, но и ссылочный аппарат приведен в более лучшую систему (в частности, оформление ссылок соответствует удобной системе, применявшейся в отечественной востоковедной литературе в 40–70-х годах прошлого века). Кроме того, за прошедшее с 2011 г. время автором был сделан целый ряд исследований и переводов источников, которые оказываются полезными для этого нового, дополненного издания. Внесение в текст предлагаемого 2-го издания «Армии монголов периода завоевания Древней Руси» дополнительных, новых переводов источников, а также дополнительных сведений источниковедческого и востоковедного характера, расширило как аргументационную часть книги, так и привлекаемый иллюстративный материал источников.

»

ВВЕДЕНИЕ

*И начаша князи про малое «се великое»
молвити...*

«Слово о полку Игореве»

Военное дело всегда было и есть отражение социально-политического состояния общества. Армия монголов XIII в. не исключение. Сам характер монгольского общества того времени — кочевническая имперская конфедерация — определял многие черты военной организации армии Чингисхана и его преемников как типичного войска центральноазиатских кочевников, стоящего в одном ряду с армиями сюнну (хунну), жужаней, тюрков, киданей и даже чжурчжэней¹. Первая и главная черта, объединяющая их всех, была в том, что в отличие от оседлых народов военным делом занимался и был к нему вполне подготовлен каждый член социума кочевников или охотников (как в случае чжурчжэней). В этом их коренное отличие от организации армий развитых оседлых государств, их соседей или объектов их военной экспансии. Несмотря на многие сходные черты, только армия монголов достигла результатов, намного превосходящих то, чего добились другие кочевые империи. В этом заключается тот непреходящий интерес, который проявляют целые поколения исследователей к государству Чингисхана и его преемников. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть только и исключительно военную машину Монгольской империи (до конца 60-х — начала 70-х гг. XIII в.) с минимумом обращений к описанию монгольских социально-экономических реалий, поскольку они давно и неплохо изучены, а потому желающие всегда могут обратиться к необходимой литературе². Для рассмотрения этой машины в действии взят для иллюстрации длительный и грандиозный по масштабам поход монгольской армии Батыя в Восточную Европу. Предлагаются также новые подходы в использовании источников — как по подбору основного корпуса источников, так и по методике его применения.

¹ Чжурчжэни, создавшие в начале XII в. на территории Северного Китая империю Цзинь (1125–1234 гг.), происходили от тунгусо-маньчжурских народов, издавна живших охотой.

² Обзор такой литературы см.: Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006.

1. ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ МЕТОД

В большинстве работ по Монгольской империи господствуют стремление использовать как можно большее количество источников и предпочтение ранних и современных событиям текстов более поздним. Степень достоверности фрагментов с описаниями реалий и критика всего источника часто отходят на второй план. Обычно ограничиваются сверкой сообщений разных источников, чтобы установить существование описанного в них факта истории¹. Необходимо сформулировать новые подходы к изучению военной истории монголов первой половины XIII в.

Неудовлетворительность выбора корпуса главных источников определяется отсутствием достаточного понимания степени их достоверности. Это связано со слабой критикой источников из-за ее сугубо специального характера, доступного только востоковедам соответствующего профиля. Часто демонстрируется отношение к сложным источникам, состоящим из разновременных и разнородных частей по жанру и по авторству, как к единому целому. Тенденциозность источников не принимается в расчет или, наоборот, неправомерно им приписывается. В этом отношении особенно «везет» таким огромным сводам информации, как «Юань ши» или даже «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, которые были созданы более чем через 100 лет после появления государства Чингисхана.

При анализе свидетельств современников событий часто не проводится грань между сведениями очевидца и записью чужих сообщений, слухов и домыслов. Это можно проиллюстрировать на примере преувеличения монголами численности своей армии во время похода против империи Сун в 1258 г. По приказу каана Мэнгу «войско в 40 000 [человек] было объявлено называющимся “Стотысячная армия”»². Монголы использовали достоверные сведения в своей дезинформа-

¹ Не является исключением и предыдущая книга автора «Военная держава Чингисхана» (Храповичский Р.П. Военная держава Чингисхана, М.: АСТ, 2004), задуманная в 2002 г. как своего рода мини-энциклопедия по истории государства Чингисхана и его первых преемников. В этих рамках она требовала привлечения как можно большего числа разнообразных источников. С того времени автором был учтен ряд замечаний, сделаны новые переводы источников и найдены новые сведения в них, а также исправлены и дополнены некоторые выводы и результаты исследования источников, уточнена степень их достоверности.

² Цит. по: Юань ши, Чжунхуа шуцзюй чубань. Пекин, 1997 (кит.), стр. 51.

ции, поэтому даже в слухах современников есть зерно истины¹. Однако принимать их в расчет без критического анализа рискованно.

В настоящей работе предпринята попытка выйти из описанных ловушек и применить иную методику. Во-первых, отбирается основной корпус источников и ранжируется по степени достоверности, содержательности и точности данных. Во-вторых, проводится сверка сообщений источников по конкретному факту/событию между данными этого корпуса источников (второстепенные источники привлекаются в качестве иллюстраций). Все источники условно подразделяются на «внутренние» и «внешние». Именно сверка данных из группы «внешних» источников с данными из «внутренних» является основой для анализа достоверности рассматриваемых сведений. Далее факт или событие осмысливается в контексте исследуемой темы и приводится в общую систему с другими данными.

Дадим определение этого деления на источники «внутренние» и «внешние». К первым относятся те, которые содержат официальную информацию и отражают внутренний документооборот монгольской канцелярии державы Чингисхана, а позже — империи монголов, причем как ее Центрального улуса (позднее империя Юань), так и других улусов (Золотая Орда, ильханат Ирана, государство Чагатаидов), сохранивших в своих архивах многие документы времен Чингисхана и его преемников². Вторые же представляют собой отчеты иностранных

¹ Часто используемое в литературе сообщение монаха Юлиана (1237 г.): «Говорят, что в войске вместе с ними пребывают двести сорок тысяч рабов-неединоверцев, а также сто тридцать пять тысяч отборнейших мужей-единоверцев, стоящих в строю» (цит. по: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // ИА, том III. М.-Л., 1940, стр. 90) надо воспринимать критически. Разумеется, армия Батыя не могла достигать таких цифр. Если Юлиану эту цифру сообщил «посол» монголов, то это дезинформация, несущая тем не менее и реальные факты: цифра 135 тыс. воинов-монголов почти совпадает с численностью так называемых «монгольских» войск всей империи (а не войск одного Бату), роспись которых была зафиксирована после смерти Чингисхана и сохранена в сочинении Рашид ад-Дина. Подробнее см. далее, в гл. I.

² Эти документы в большинстве своем сохранились, разумеется, не в своем натуральном виде, а как их списки (цитирования), созданные для различных нужд и сохраненные в текстах заинтересованных лиц. Механизм такого сохранения объясняется ниже — на примере Юань. Наличие недавно изданного в КНР огромного компендиума «Цюань Юань вэнь (Полное собрание литературных текстов Юань)», далее — ЦЮВ, позволяет привлекать юаньские тексты конца XIII — начала XIV в., где сохранены сведения из канцелярии монгольских первых каанов, начиная с Чингисхана и Угэдэя.

дипломатов, разведчиков, путешественников к монголам в первой половине XIII в., которые лично наблюдали Монгольское государство и его армию, а также оставили подробные и достоверные записки об увиденном и услышанном от своих монгольских (и, конечно, немонгольских) информаторов.

Сообщения о монголах, пусть и синхронные событиям, но написанные с чужих слов, т.е. со слов людей, личности которых не конкретизированы, в указанный корпус основных «внешних» источников данной книги не включаются¹. Ведь даже самый добросовестный хронист не был застрахован от дезинформации в сведениях о монгольской армии, как это было показано выше. Только «внутренние» документы Монгольского государства могут быть единственной основой для изучения таких тем, как состав, численность, структура, система призыва и личности командующих и полководцев монгольской армии. Значительно меньше в них сохранилось данных по тактике, разведке и стратегии. Зато из них можно почерпнуть многое о ходе событий, в частности о ходе боевых действий и их результатах. «Внешние» же источники дают очень много достоверной информации об осадном искусстве, вооружении, боевых качествах, коневодстве, тактике, разведке и системе связи монгольской армии.

Значение «внутренних» источников тем более велико, что для начального этапа существования державы Чингисхана они выполняли чисто утилитарные цели, не неся дополнительной идеологической или политической нагрузки. Ведь, согласно канонической версии, Чингисхан в 1204 г. впервые узнал о важности письменности, а уяснив ее значение для управления государством и армией, немедленно приказал начать обучение ею своих сыновей и самых близких к нему соратников². Уже в 1206 г. он поручает приемному сыну своей матери

¹ В редком случае современных событиям хрониста, добросовестность которого проверена и не вызывает сомнений, а его сведения персонализированы (т.е. даны точные ссылки на источник информации), возможно привлечение его данных для иллюстраций и т.п. Одним из примеров такого хрониста был Ибн ал-Асир (умер в 1232/33 г.).

² В жизнеописании уйгура Тататунги в составе ЮШ подробно рассказывается о таком решении Чингисхана (там он называется Тай-цзу — по его храмовому имени в династии Юань): «Тататунга, человек из уйгур. По природе был умен и сообразителен, отлично рассуждал и беседовал, глубоко познал отечественную письменность. Найманский Таян-хан ценил его и сделал наставником, поручив ведать золотой печатью и налогами. Тай-цзу пошел походом на запад, и Найманское государство погибло. Тататунга взял за пазуху печать и бежал. Его сразу поймали. Государь стал спрашивать [его] так: “Народ Таян-[хана]

Шиги-Хутуху вести так называемую «синюю тетрадь (*коко-дебтер*)» для росписи повинностей всего подвластного ему кочевого населения и копий судебных решений. «На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: “...Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переименовать твоего определения!” Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведование Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-Дзаргу, указав при этом: “Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй”. И затем повелел: “Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных “гур-ирген”, а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таких подлжит ответственности”»¹.

Созданные таким образом документы предназначались для самых насущных и практических нужд, почему в них отсутствовали как присущая для более развитых обществ бюрократическая тенденциозность (любого характера), так и то, что можно назвать современным поня-

весь перешел ко мне, так зачем ты нес с собой печать?” [Тататунга] ответил так: “Подданный [знает свой] долг!..” Государь сказал так: “Верный и почтительный человек!” — и спросил, для чего используется эта печать? [Тататунга] ответил так: “Она используется для подтверждения подлинности [указов хана] по всем делам, когда взимаются налоги и назначаются люди [на должности]”. Государь одобрил это... Государь спросил его так: “Хорошо ли ты знаешь письменность родной страны?”... и приказал после этого [Тататунге] обучить царевичей и князей крови писать на своем языке уйгурскими буквами», цит. по: *Юань ши...* стр. 3048. Есть в ЮШ известия и о других уйгурских учителях при дворе Чингисхана — например, об уйгуре Кара-Икачибере и его сыне как об учителях Чингисидских царевичей рассказывается в их жизнеописаниях в ЮШ (там же, стр. 3046).

¹ Цит. по: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un piruca tobciyan*. Юань чао би ши (Монгольский обыденный сборник). Т. 1. Введение, перевод, тексты и глоссарии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, стр. 159–160. Далее цитирование «Сокровенного сказания» производится по этому изданию в переводе С.А. Козина.

тием «приписки». Высокую достоверность документам канцелярии Чингисхана и его первых преемников придавали и другие особенности начальной монгольской канцелярии. Дело в том, что некоторые из ее *битикчи* (монг. «писарь, писец») были одновременно и крупными военачальниками, а общее число их было небольшим. Немонголы в этой канцелярии ведали в основном вопросами, связанными с управлением захваченными оседлыми странами. Вопросы же военного характера доверялись либо монголам, либо представителям народов, которые монголы считали близкими себе и которым доверяли (кидани, уйгуры). Поэтому число *битикчи*, ведавших военным делом, было очень невелико, и все они находились под контролем, а создаваемые ими тексты помещались в секретный архив.

Отражением высокой достоверности текстов, вышедших из канцелярии каана, является тот факт, что, кроме опубликованных документов, остальные ее архивы хранились в строго охраняемой части ханской ставки и считались секретными. Причем часть документов запрещалось выдавать даже высшим чиновникам, а допускались к ним только хан и часть его близких¹. Этот порядок существовал от Чингисхана и до его преемников, более того — он продолжался и в улусах Монгольской империи, даже когда они стали независимыми государствами. Среди секретных документов архива были и первые монгольские хроники, а также родословные «золотого рода» Чингисхана, его братьев и даже некоторых жен. Тем не менее со временем по разным поводам из документов, хранившихся в архиве канцелярии каанов, потомки высших сановников времен Чингисхана и Угэдя стали получать выписки и своеобразные «справки», необходимые им для различных нужд — чаще всего в мемориальных целях вроде создания развернутых эпитафий на могилах своих отцов и дедов или стел при храмах их предков (подробнее об этом ниже). Разумеется, делалось это не иначе как по специальному разрешению каана (им-

¹ В составе ЦЮВ сохранился текст крупного юаньского чиновника и историографа Юй Цзи (1272–1348 гг.), где говорится: «Совершались при этом официальные записи [деяний] под знаменами дракона и стягами солнца с луной (*т.е. под знаменами монгольского каана. — Р. Х.*), делались собрания [записей об] его [т.е. императора] подвигах и свершениях, которые [хранились] в золотых сундуках в каменных палатах. Меры секретности [по отношению к ним] были чрезвычайно жесткими, посторонним императорскому дому было нельзя ни получить, ни даже увидеть или узнать [их содержание]», цит. по: Юй Цзи. Мэнгу Тоба гун сяньин бэй мин (Мемориальная надпись стелы кладбища предков господина [из рода] монгольских Тоба) // «Полное собрание литературных текстов Юань» т. 27. Нанкин, 2004 (кит.), стр. 405.

ператора Юань) и оформлялось специальным императорским указом, текст которого затем бережно хранился в семьях этих сановников.

К сожалению, из всей секретной части архивов монгольских каанов до нас в полном виде дошел единственный текст на монгольском языке с вариантом истории «золотого рода» — «Сокровенное сказание». Другие варианты истории Чингисхана, собранные в так называемой «Алтан дебтер» («Золотой книге»), целиком не сохранились. Текст «Алтан дебтер» известен только в цитатах и извлечениях (иногда весьма пространных), которые сохранились в других, немонголоязычных источниках. Зато содержания многих выписок и «справок» касательно событий военной истории, связанных с деятельностью многих полководцев (своего рода их «послужных списков») времен Чингисхана, Угэдэя и их преемников, дошли до нас в виде текстов различных памятных стел в их честь, а также разного рода эпитафий. Корпус таких документов, извлечений из «послужных списков» (хранившихся в вышеупомянутых секретных частях архивов), довольно обширен и до сих пор не полностью исследован. Далее будут использоваться некоторые результаты изучения таких документов, сделанные автором настоящей книги за последние годы¹.

До сих пор в литературе основными внешними источниками по армии Чингисхана и его преемников (вплоть до Мэнгу-каана) почти у всех европейских военных историков являются сообщения Плано Карпини, Бенедикта Поляка² и Гильома Рубрука. К ним в разных пропорциях добавляются сведения из «восточных источников» — в меру пристрастий конкретного автора и самого наличия переводов. Причина тому как относительная подробность описаний европейских путешественников, так и возможность оценить их достоверность ввиду лучшего понимания современными историками

¹ Наиболее полно их результаты представлены в следующих двух работах: Храпачевский Р.П. Юаньские источники XIII века о походах монголов на Русь и Восточную Европу // «Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции». М., 2019; Храпачевский Р.П. Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // «Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой». М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021.

² Он был участником миссии Плано Карпини к монголам. Его собственный рассказ о ней (записан в 1247 г.) см. в *The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. N. Y.: Sheed and Ward, 1955.

мировосприятия средневекового европейца. Данные же восточных путешественников к монголам привлекаются как вспомогательные в той мере, в какой они подтверждают сообщения «основных» европейских источников.

Происходит это потому, что критика восточных источников обычно недоступна для большинства авторов, они зависят как от уровня переводов, так и от самого их наличия (а чаще отсутствия), т.е. от степени доступности опубликованных исследований востоковедов. В результате сообщения европейских миссий к монголам ставятся во главу угла, хотя очевидно, что они представляют собой сильно искаженное изображение, преломленное через призму средневекового мировоззрения. По сравнению с китайскими авторами европейские путешественники не только страдали от неспособности адекватно понимать информаторов, но и были жертвами «культурного шока» при встрече с развитой кочевой цивилизацией, в то время как китайцы взаимодействовали с ней к тому моменту уже как минимум полтора тысячелетия.

Надо отметить, что китайских путешественников в кочевом мире в первую очередь интересовали аспекты его военно-политического и дипломатического взаимодействия с Китаем. Это было вызвано практическими задачами контроля за ситуацией на границах с беспокойными степными соседями. Вот что писал выдающийся историк и крупный чиновник сунского Китая Оуян Сю (1007–1072 гг.) о необходимости постоянного и тщательного контроля за ситуацией за пределами собственно ханьских земель: «Начиная с древности восточные и северные варвары, имевшие сношения со Срединным государством, не обязательно подчинялись ему, а не имевшие сношений не обязательно не являлись ко двору. Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда и оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления к ним милостей и величия» и, далее, как резюме — «если они подчиняются или бунтуют, уходят или приходят, что может принести Срединному государству пользу или вред, это следует знать»¹.

Явно назрела необходимость дать характеристику монгольской армии по сообщениям китайских путешественников и послов-разведчиков, привлекая аналогичные сведения европейских источников только для сравнения. Это тем более оправданно, поскольку записки

¹ Цит. по: Оуян Сю. Удай шицзи (Записки по истории Пяти династий) // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984, стр. 11.

китайских путешественников писались с присущими китайской историографической традиции прагматизмом и вниманием к наблюдаемым фактам, при минимуме идеологической нагрузки, что было, так сказать, «вбито в подкорку» тысячелетней конфуцианской традицией воспитания элиты страны¹. Начиная с середины I тысячелетия до н.э. китайцы активно общались с кочевым миром и выработали стройную систему как сбора достоверных сведений об окружающих Срединное государство народах степи, так и принятия военно-политических решений на их основе². Китайские послы (и по совместительству шпионы) очень рано стали появляться у монголов, т.е. задолго до европейцев, которые видели монголов на пике их могущества, в то время как китайцы наблюдали динамику развития государства Чингисхана и его преемников³.

Прежде чем перейти к анализу сведений, отобранных в целях настоящей работы основных источников, следует дать краткий экскурс в историю их создания, а также определить их жанровые и иные особенности. Этот обзор источников проводится по отдельности для внутренних и внешних источников, для того чтобы яснее охарактеризовать степень их достоверности для исследования различных аспектов функционирования монгольской армии первой половины XIII в.

¹ В основополагающем конфуцианском трактате «Лунь юй», в разделе «Осуществлять правление» (посвящен проблемам государственного управления и обучения элиты для этих целей) утверждается как один из основных критериев познания жесткое требование Конфуция о необходимости полагаться исключительно на реальные факты и отказа от фантазирования: «...научить ли тебя, как определять знание? Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь — полагай, что не знаешь. Это и есть знание» (Лунь юй, гл. Вэй чжэн, 17).

² Уже в период Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) была выдвинута концепция «и и чжи чжи» («руками варваров управлять ими»), ставшая основой для многовековой стратегии отношения Китая к окружавшему его кочевому миру. Политика использования одних кочевых народов против других требовала постоянного отслеживания ситуации среди них и должна была покоиться на регулярной и хорошо поставленной разведке, именно это имел в виду Оуян Сю в приведенном выше пассаже.

³ Вот перечень только тех официальных посольств к монголам (и их даты), от которых дошли до нашего времени письменные документы: 1220 г. — посольство Чжао Хуна; 1221/22 г. — посольство Угусунь Чжундуаня; 1233 г. — посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе и был Пэн Да-я в качестве «чиновника по составлению официальных бумаг»); 1236 г. — второе посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе был Сюй Тин в качестве секретаря миссии). О существовании еще целого ряда миссий мы знаем по упоминаниям в источниках того времени (см.: Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910).